

ИННОВАЦИОННЫЕ СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИЕ СТРУКТУРЫ НА РАННЕМ ЭТАПЕ СЛОЖЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: ОПЫТ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Т. К. Салбиев

Владикавказский научный центр РАН
Россия, 363110, РСО-Алания, Пригородный район,
с. Михайловское, ул. Вильямса, 1
Поступила в редакцию 14.10.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-10

Рассмотрены условия и механизмы, ставящие смыслопорождения в зависимость от контекста на раннем этапе сложения литературной традиции. На примере перевода заголовка программного стихотворения Коста Хетагурова «Ныстуан», открывающего его сборник «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»), удается показать принципиальные различия между семантикой этого слова в этнографическую эпоху и его современной интерпретацией. Далее, следуя указанию Ф.И. Буслаева о том, что на своем начальном этапе литература принимает на себя не светские, а духовные обязательства перед обществом, автор демонстрирует, что заголовок стихотворения фактически оказывается смысловым интенсификатором, необходимым для усиления повелительного наклонения в открывающей стихотворение глагольной фразе «Ныббар мын!» («Прости (мне)!»). Тем самым слово в заголовке не только десемантизируется, но и утрачивает свои именные признаки, обретая глагольные свойства. Как следствие, размывается и граница между словами, которая должна быть между просодически обособленными заголовком и началом стихотворения. Одновременно «Ныстуан» обретает и особую эмоциональность, что ставит его в один ряд с глагольными и междометными заголовками, столь характерными для поэзии Коста Хетагурова. Подобная «размытость» обусловлена необходимостью приведения к общему знаменателю сложных христианских богословских понятий (в данном случае – жертвенности) и идеологем осетинской духовной традиции, обнаруживающих себя в молитвословиях и обрядовой традиции в целом. Сделан вывод, что в плане семантики Коста Хетагуров фактически исходит из этимологических значений слова «ныстуан», трактуя его в качестве осетинского аналога историко-богословского термина «канон» – как некоего «(божественного) установления, правила». Сам переход от фольклора к литературе предлагается рассматривать в рамках предложенного Ю.М. Лотманом разграничения «эстетики тождества» и «эстетики противопоставления».

Ключевые слова: семантическая структура, контекст, тождество слова, десемантизация, осетины, литература, Коста Хетагуров, христианство, покаянный канон

1. Введение

Проблема взаимодействия языка и литературы на раннем этапе сложения последней никогда еще не ставилась в осетиноведении. Между тем есть достаточно оснований полагать, что только ее постановка

позволяет рассмотреть этот процесс во всей его возможной полноте — комплексно и системно. Подобное предположение основано на том общепризнанном представлении, что становление в конце позапрошлого века литературной традиции фактически одновременно означало и возникновение литературного языка. На эту нерасторжимую связь указывает В. И. Абаев, когда утверждает, что Коста Хетагуров — автор поэтического сборника «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»), вышедшего в свет в 1899 году, является «подлинным создателем осетинского литературного языка и основоположником национальной литературы»; при этом особо подчеркивается, что *«словесное мастерство»* поэта заслуживает отдельного внимания (Абаев 1990, с. 542–543, 557). С ним солидарен и историк осетинской литературы Н. Г. Джусойты, справедливо полагающий, что несомненная заслуга Коста Хетагурова в том и состоит, что он, в отличие от современников, сумел преодолеть сопротивление «исторических условий», создать литературу на родном языке. Он же отмечает невозможность отелить его поэзию от языка его произведений (Джусойты 1980, с. 9, 121). Лингвист К. Е. Гагкаев уже рассматривает сам язык произведений Коста Хетагурова в органичном единстве с их стилем, который, по его мнению, столь же значим для исследователя, как и его литературные достижения, и потому должен быть предметом специального изучения (Гагкаев 1956, с. 4). В итоге становится очевидной актуальность изучения особенностей самой этой связи, возникающей между процессами сложения осетинской литературы и становления осетинского литературного языка.

На первый взгляд, складывается впечатление, что на раннем этапе сложения литературной традиции происходит главным образом преодоление фольклора; непосредственно же язык претерпевает минимальные изменения, оставаясь по-прежнему понятным и широко используемым его носителями. Наиболее зримым нововведением при этом становится обретение языком письменной формы, возникновение книжной традиции и способность носителей языка читать и писать, а также появление произведений, наделенных индивидуальным авторством. Однако теперь уже нет сомнений в том, что на этом переходном этапе язык также подвергается существенным качественным изменениям, следуя за складыванием литературной традиции.

Судя по всему, эти изменения наиболее ясно и убедительно обнаруживают себя в проблеме тождества слова (его неустойчивости, текучести как в плане фонетическом, так и в смысловом, и даже грамматическом). Обсуждение этой проблемы будет составлять основное содержание настоящей статьи и включать выяснение характера и условий возникновения этой проблемы, описание ее механизма и движущих сил, выявление обусловивших ее факторов.

Знаменательно, что уже сам Коста Хетагуров обратил внимание на лежащие на поверхности специфические свойства слова на переходном этапе к литературе. В частности, решая проблемы орфографии, он заметил, что фиксации слова, обретению им устойчивой фонетической формы помимо прочего способствует и стихотворный размер. В письме

к своему другу Гаппо Баеву, занимавшемуся подготовкой его стихотворного сборника к печати и допускавшему отступления от авторской рукописи, он выговаривал: «Если я пишу то или иное другое слово так, а не иначе, то я пишу сознательно, я над ним долго ломал голову и не хочу ни тебе, ни кому бы то ни было позволить изменять их без моего ведома, бездоказательно, и тем более в стихотворениях, где не должно быть ни одного лишнего звука или недостатка в нем и где каждая буква занимает рассчитанное заранее автором место» (Хетагуров 2001, с. 190–192). Все же обращение к текстам вышеназванного сборника убеждает в том, что при постановке проблемы тождества слова дело не ограничивается лишь орфографией, но также затрагивает и другие языковые уровни. Неоспоримым свидетельством наличия проблемы тождества слова могут стать, например, трудности, с которыми сталкивается переводчик, чей рабочий язык, как правило, относится к литературе с уже сложившейся и развитой (и потому преодолевшей эту «детскую болезнь») традицией.

Признание проблемы тождества слова позволяет сделать следующий шаг к вопросу о смыслопорождении, предполагающему выявление связи между языковыми и социокультурными смысловыми структурами на уровне глубинной семиотики в рамках трансдисциплинарного подхода. Представляется, что применение этого подхода, предложенного С. Т. Золяном и Г. Л. Тульчинским и успешно апробированного в их исследованиях (Золян, Тульчинский 2024, с. 10), может быть плодотворным и на осетинском материале, позволяя в новом свете представить проблему возникновения инновационных смыслопорождающих структур.

2. Проблема перевода

Весьма показательным в этом отношении представляется перевод заголовка стихотворения «Ныстуан», открывающего сборник стихов поэта, впервые опубликованного в 1899 году (Хетагуров 1999, с. 14–15). Приведу его текст и перевод на русский язык П. Панченко.

Ныббар мын, кæд-иу дæм мае зараг,
Кæуæгау фæзына, мыййаг, —
Кæй зæрдæ нæ агуры хъараг,
Уый зарагд йæхи фæндиаг!..

Прости, если отзвук рыдания
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страдания,
Тот пусть и поет веселей,

Æз дзыллæйæ къаддæр куы дарин,
Куы бафидин искуы мае хæс,
Уæд афтæ æнкъардæй нæ зарин,
Нæ хъуысид мае кæуын хъæлæс...

Но если б народу родному
Мне долг оплатить удалось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

Будучи программным по своему характеру, оно неизменно привлекает к себе внимание литературоведов и переводчиков. Интерес к нему настолько велик, что оно было даже издано в виде отдельной книги, в которой представлены все известные его переводы на языки мира.

Примечательно, что основным переводом этого заголовка, давшего название всему сборнику (Хетагуров 2018, с. 3), стало «завещание», что даже при первом приближении неизбежно порождает вопросы. Дело в том, что предлагаемый перевод расходится со словарным описанием значений этого слова (согласно В. И. Абаеву: 'поручение', 'наказ', 'завет', 'заповедь'). При этом можно считать несомненным, что рассматриваемая лексема восходит к реконструируемому общеиранскому отглагольному существительному **ništāwan*- 'наказ', 'приказ', 'повеление'. Глагольная основа надежно представлена в древних языках иранской группы: в древнеперсидском *ništā*- 'повелевать', авестийском *ništa*- 'instituire', 'приказывать', 'предписывать' и др. (Абаев 1973, с. 210; Cheung 2002, р. 210). Отсутствие в осетинском языке словарного значения «завещание» вполне ожидаемо не только в силу приведенной этимологии, но также и потому, что обычное право осетин не знало подобной юридической нормы. Хорошо известно, что в этнографическую эпоху права наследования регулировались традицией и мало зависели от воли индивида. М. М. Ковалевский, изучавший семейное право и обычный закон осетин, подробно описал и нормы наследственного права, исключавшего личное волеизъявление (1886, с. 315–340). Сила этих уложений была безусловной, и потому для носителей языка на том этапе, до знакомства с юридической системой Российской империи, значение лексемы *ныстуан* «завещание» не могло быть известным.

Тем самым с точки зрения тождества слова нуждается в объяснении и его смысловая «размытость», без учета которой не может быть интерпретировано значение, которое вкладывал в него сам поэт. В связи с этим возникают сомнения в том, правильно ли был понят Коста Хетагуров потомками. В этой «текучести» слова, как представляется, обнаруживают себя его типологические особенности, возникающие на раннем этапе складывания литературной нормы. В конечном счете речь должна идти именно о выяснении замысла самого Коста Хетагурова, что предполагает выявление адресата стихотворения, описание его идейно-тематического содержания, установление его возможных интертекстуальных связей. Для продвижения по намеченному пути будет также необходимо описание историко- и социокультурных условий, в рамках которых Коста Хетагуров создает осетинскую литературу и осетинский литературный язык.

В первую очередь следует исходить из того, что на начальном этапе складывания литературной нормы фольклорно-мифологическая картина мира сменяется авторской. Фактически речь должна идти о переходе от коллективного бессознательного к индивидуальному осознанному творчеству. Очевидно, что подобный переход не может быть легким, но, напротив, требует колоссального усилия со стороны осуществляющей его личности. Действительно, с одной стороны, сам этот переход неизбежно опирается на устное народное творчество, вырастает из него и им вдохновляется. С другой — будучи коллективным по своему характеру, устное народное творчество всячески противится авторской индивидуализации и вступает в конфликт с литературным «произво-

лом», требующим от пишущего обязательного самовыражения. Тем самым Коста Хетагурову в некотором смысле предстояло преодолеть традицию, опираясь на нее.

Примечательно, что под предлагаемым углом зрения проблема тождества слова, если следовать Ю. М. Лотману, может быть выведена и на уровень эстетики художественного произведения. Лотман говорит о двух стадиях в истории поэтики, различая «эстетику тождества» и «эстетику противопоставления». В одном случае мы имеем некие штампы, в которых определенным явлениям действительности соответствуют определенные логические модели текста; В другом — появляется большое количество новых элементов в старых литературных алгоритмах: деконструкция поэтики, семантики и литературности характеризуется противопоставлением автором своего, нового варианта построения художественной действительности традиционному. Эстетика тождества связана с упрощением, а эстетика противопоставления — с усложнением (Лотман 1998, с. 276–278). Схожую картину, но уже в рамках оппозиции фольклора и литературы, наблюдаем и у Коста Хетагурова, который создает свою новую художественную реальность, усложняя существующий как данность фольклорный материал.

Понимание этого процесса в первую очередь предполагает осмысление социокультурной ситуации, сложившейся в Осетии в пореформенный период, то есть после отмены крепостного права в Российской империи.

3. На рубеже веков

Примечательно, что хронологически у Коста Хетагурова было два предшественника: Темирболат Мамсуров и Александр Кубалов. Однако только ему одному удалось стать общепризнанным основоположником осетинского литературного языка и самой литературы (подробнее об этом см.: Хугаев 2019, с. 36–39)). При этом, оценивая его достижения, В. И. Абаев ставит во главу угла духовно-нравственный аспект его наследия (1990, с. 551). Если признать, что при переходе от фольклорной традиции к литературной особую роль приобретает именно духовный аспект, применительно к осетинской литературе в центре внимания неизбежно окажется взаимодействие народной ритуально-мифологической традиции с христианством.

Известно, что Коста Хетагуров был крещен и имел в ставропольской гимназии своего духовника, о. Чаленко, на смерть которого написал проникновенное стихотворение, исполненное искренней благодарности к нему (Мальцев 2014, с. 17–18). Коста Хетагуров расписывал храмы и писал иконы, сочинял духовные стихи по поводу Рождества и Пасхи, а также сделал поэтический перифраз событий Страстной недели начиная с молитвы в Гефсиманском саду (поэма 1895 года «Се человек»), был похоронен в ограде Осетинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Он первым, согласно И. С. Хугаеву, в кавказской литературе обратился к евангельской теме (Хугаев 2014, с. 7). Наконец, он сам прямым текстом в письме к Ю. А. Цаликовой от 8 сентября 1899 года из

Херсона писал: «...и, конечно, никакая мудрость несравнима с христианскою, которую я искренно хотел бы исповедовать всю жизнь» (Хетагуров 2001, с. 233–234). При этом очевидно, что его обращение к христианской традиции было во многом предопределено теми задачами, которые ему предстояло решать.

Знаменательно, что при исследовании истоков русского словесного искусства Ф. И. Буслаев использовал термин «двоеверие» для обозначения принципа развития и содержания переходных периодов в эволюции общества, что представляется столь же важным при изучении литературного наследия Коста Хетагурова. Говоря о положительном влиянии византийской традиции, Буслаев во главу угла ставил духовный аспект, то есть благочестие, считая, что именно духовная составляющая (или категория христианской любви) выступает связующим звеном между двумя традициями (Злобина 2011, с. 126–127). Сходство этих двух ситуаций очевидно. На рубеже двух веков, XIX и XX, складывается ситуация русско-осетинского двуязычия. Видимо, в этом и была основная заслуга Коста Хетагурова, которую хорошо осознавали уже его современники. Он смог найти «общий знаменатель» для местной традиции и христианского вероучения. Его жизненные обстоятельства, сохранившиеся письма и произведения являются ясным свидетельством того, насколько искренне и упорно Коста трудился во благо общества.

Какова же формула гармоничного взаимодействия двух духовных традиций, и в чем ее главное содержание? Каковы истоки этой формулы и пути ее исторической эволюции? Вот вопросы, на которые предстоит дать ответ. Опыт изучения творческого наследия Коста Хетагурова убеждает в том, что таким «общим знаменателем» для двух духовных традиций могла стать *идеологема жертвенности*, лежащая в основе осетинской обрядовой традиции. Коста Хетагуров трактует ее как общечеловеческое правило, оказавшееся ключевым для христианства, то есть некое духовно-нравственное требование, могущее стать идеологической основой культурно-исторического переворота, происходящего в период жизни поэта.

Подобную постановку проблемы в теоретическом плане надежно обеспечивают обобщающие труды С. А. Айларовой, которая усматривает в творческом наследии Коста Хетагурова бесспорное влияние христианской антропологии П. Л. Лаврова, пользовавшейся в те годы необычайной популярностью в среде российской интеллигенции. Отсюда, полагает исследователь, можно вывести мифологему идущего на крестную смерть и проповедующего любовь во время этого пути Иисуса Христа. Любовь — это символ критически мыслящей личности, добровольно отдающей себя на смерть ради спасения человечества. С. А. Айларова приводит цитату из записей и набросков самого Коста, где поэт открыто проявляет готовность пожертвовать собой: «...мæ иунаг сидзæры уд нывонд канын нæ Иры дзыллæйæн..., балавар кодтон... на Иры дзыллæйæн итæг æрдиагонæй: 1. “Ирон фæндыр”» («Свою одинокую сиротливую душу я приношу в жертву осетинскому народу... и дарю ему “Ирон фæндыр”»). При этом поэт справедливо подчеркивает значимость развития личностного начала, предпола-

ющего самопожертвование в качестве свободного внутреннего выбора. Далее С. А. Айларова фактически определяет основы методологии изучения наследия Коста. По ее мнению, «феномен “Ирон фандыра”, являющийся в литературной традиции ярким примером духовного слияния интеллигента с народной “почвой”, образцом синтеза культур, становится понятнее и в контексте теоретических поисков русской демократической мысли, и через призму христианской религиозной традиции, и, наконец, осетинской мифо-эпической культуры» (Айларова 2014, с. 33, 39–40). Далее остается сделать лишь еще один шаг к изучению самой осетинской духовной традиции, на которую Коста, безусловно, опирался и в которой черпал силы.

Когда Осетия на рубеже позапрошлого и прошлого веков оказалась на стыке двух эпох, при переходе от патриархально-родового общества в правовое пространство Российской империи, от устной традиции к письменной культуре Нового времени, Коста актуализировал в осетинской картине мира те смыслы, которые позволили ей с опорой на православие сохранить неизменной свою духовно-нравственную основу. Это базовое положение теперь нуждается в подкреплении анализом идейно-тематического содержания того программного стихотворения, заголовок которого находится в фокусе нашего внимания.

4. Экзегетика

Обычно при анализе содержания рассматриваемого стихотворения «Ныстуан» («Заповедь»), состоящего всего из двух четверостиший, во главу угла ставится декларация поэтом своего чувства долга перед родным народом или, как полагает Н. Г. Джусойты, перед всеми народами мира, перед всем человечеством (1980, с. 267). Однако, если принимать во внимание взаимодействие двух духовных традиций, можно сделать вывод, что в языковом плане центральным для него оказывается глагол *бырын* ‘прощать’, который является основополагающим для осетинского обрядового моления.

Действительно, в осетинской традиции идея искупительной жертвы находит ясное выражение в пожеланиях участников обрядового моления друг другу: «Куывд барст (фæ)уæд!» («Да будет наше моление угодным (Всевышнему)»). Буквально, речь идет о получении прощения, что находит выражение еще в одной формуле из молитвословий: «Æмæ нын батаæригъæд кæн!» («И пусть (Всевышний) пожалеет нас!») (Хамицаева 1992, с. 52, 54, 56, 57, 61). Тем самым открывающий стихотворение глагол в повелительном наклонении «Ныббар!» не только ясно указывает на связь с обрядовой традицией, но и выражает идею прощения, центральную для всего осетинского обрядового моления и получающую дополнительное выражение в самом ритуале благодаря участию в нем детей.

Известно, что, несмотря на свой невысокий социальный статус и ограниченные физические и духовные возможности, дети не только участвовали в посильной хозяйственной деятельности, например пасли ягнят и телят, но также были просто незаменимы в обрядовой жизни

традиционного социума. Именно детьми первыми вкушаются жертвенная пища и напиток в рамках обряда причастия — *аходагн*, исполняемого при открытии обрядового моления. В.С. Уарзиати писал, что, согласно мнению его консультантов, право сразу после посвячительной молитвы старшего пригубить ритуальный напиток, чего удостоивались только младшие, было связано с представлением о том, что у каждого взрослого человека, в отличие от детей, может появиться искушение совершить грех. Детям же свойственны большая степень чистоты и безгрешность, так как они еще мало прожили (Уарзиати 2017, с. 167). То есть грех выступает как препятствие к тому, чтобы Бог принял молитву. В самом же обряде причастия ясно распознается связь с христианской евхаристией. Весьма показательным оказывается и приведенный не так давно Я.В. Васильковым древнеиндийский материал о мотиве «кубка победителя» и «испития славы», который свидетельствует об индоевропейском происхождении этого мотива (Васильков 2021, с. 70). Таким образом, в рамках обряда испития «чаши славы» удастся привести к общему знаменателю две духовные традиции, поскольку мотив испитительной жертвы и хорошо известен христианству, в особенности Новому Завету, и, как видим, в осетинской обрядности по своему происхождению неразрывно связан с культом героя, готового жертвовать своей жизнью ради общего блага.

Замечу, что в плане искусства слова к рассматриваемому стихотворению вполне применимо наблюдение, сделанное М.М. Бахтиным относительно поэтики Ф.М. Достоевского о диалогизме и двуголосом слове (2002, с. 41, 85, 87), которое одновременно оказывается у обоих участников диалога, выводя известную формулу: «чем я должен быть для другого, тем Бог является для меня» (Бахтин 1986, с. 56). В этом случае, представляется возможным допускать отсылку к молитве «Отче Наш» (Мф. 6: 9–13), с идеей взаимного прощения: ты — нас, а мы — их. Исходя же из того, что это стихотворение Коста Хетагурова оказывается исповедальным по своему характеру, оно может быть соотнесено с христианским покаянным канонам, предваряющим таинство исповеди и причастия, в частности с его первой песнью. Сходство обнаруживает себя не только в упоминании «песни» в тексте стихотворения Коста Хетагурова («*мæ зарагг*»), но и в общей горестной тональности плача, становящейся очевидной при обращении к одной из частей канона, приводимой ниже:

Помілуй мя, Бо́же, помілуй мя.
О горе мне грѣшному!
Па́че всех челове́к окаянен есмь,
покая́ния несть во мне; даждь ми,
Го́споди, слѣзы, да пла́чуся дел моіх го́рько².

Для православного христианина, каковым был Коста Хетагуров, обращение к покаянному канону в самом начале собственного сборника стихов представляется вполне вероятным и, более того, уместным. Ад-

² Православие.py. URL: <http://www.pravoslavie.ru/> (дата обращения: 27.10.2024).

ресатами же его стихотворения, в рамках бахтинской формулы, оказываются одновременно и читатель его сборника, и Всевышний, сведенные таким причудливым образом в рамках поэтики двуголосого слова.

В связи с этим заслуживают упоминания собственные попытки Коста Хетагурова перевода текста Священного Писания с русского языка на осетинский. В процитированном выше письме к Ю. А. Цаликовой он обращается к теме перевода Евангелия на осетинский язык: «Стесняет меня только то, что в осетинском языке нет точно соответствующих слов и выражений некоторым словам и выражениям в Евангелии, и проверить их не на чем». Тремя днями позже, 11 сентября 1899 года, в письме к А. Л. Хетагурову, также из Херсона, он прямо говорит, что начал перевод на осетинский язык Евангелия и потому хотел бы сравнить свою версию с уже существующим переводом, которым, судя по всему, не был доволен (Хетагуров 2001, с. 223, 234). Какое же решение он находит для этой проблемы? Очевидно, что он выбирает не просто наиболее приемлемый, но, вероятно, единственно возможный в тех культурно-исторических условиях путь — использует тот ресурс, которым обладает сам осетинский язык.

5. Ресурс языка

Прежде всего замечу, что заголовок рассматриваемого стихотворения может быть включен, с одной стороны, в ряд подобных однословных заголовков из его сборника стихов, где использованы глаголы в повелительной форме, каковых оказывается достаточно много: «Азар!» («Спой!»), «Фесаѣф!..» («Пропади!..»), «Хæрзбон!..» («Прощай!..»), «Ракæс!..» («Взгляни!..») (Хетагуров 1999, с. 24—25, 26—27, 36—37, 50—51). Вместе с тем он также весьма охотно использует в качестве заголовков своих стихотворений и междометья: «Æй, джиди!» («Если бы...»), (Там же, с. 22—23). Тем самым представляется возможным говорить о десемантизации существительного *ныстуан*, которое выступает в заголовке в качестве интенсификатора, усилителя императива, а также усилителя общего эмоционального посыла стихотворения. Замечу, что аналогичные примеры десемантизации в осетинском языке хорошо известны. Достаточно сослаться в этой связи на осетинское прилагательное *сау* 'черный'. Оно становится просто усилителем свойства или качества в таких устойчивых словосочетаниях, как *сау расыг* 'мертвецки пьяный', *сау над* 'избитый до полусмерти', *сау расугъд* 'необычайно красивая' (о девушке) и др. (Абаев 1979, с. 42—43). Одновременно существительное *ныстуан* наделяется также качествами и междометия, а граница между частями речи, в данном случае между междометием и существительным, становится чисто условной, вполне проницаемой.

Знаменательно, что сам К. Хетагуров в одном из писем отмечает, что пишет стихи для того, чтобы выразить какие-то важные для себя идеи. Он открыто говорит об этом: «А стихи я пишу только в такое время, когда потребность высказаться всецело охватывает все мое существо. Над многими стихотворениями я рыдал, как нервная институтка, когда их писал. Немало было написано и в минуты страшного негодо-

вания, но такие стих<отворения> я никогда не отдавал в печать — потому что они прямо-таки ужасны по чувству высказываемых в них ненависти и презрения к объекту обращения» (Хетагуров 2001, с. 136). Можно утверждать, основываясь на собственных наблюдениях поэта, что эмоциональный градус его стихов должен быть необычайно высок, и это находит отражение в заголовках его стихов.

Весьма показательно во многих отношениях обращение к заголовку еще одного стихотворения Коста Хетагурова — «Тæхуды» («Желание»). Само стихотворение отличает и необычайная интимно-исповедальная интонация, и скрытая, но вполне допустимая, связь с христианством (Хетагуров 1999, с. 34):

Тæхудиаг, буц хъæбулæй
Йæ уалдзæджы царды хурæй
Чи бафсæст йæ мады хъæбысы!
Тæхуды, æрæгвæззæджы,
Хъæлдзæгæй æнкъард рæстæджы
Йæ рагуалдзæг хорзæн чи мысы!

Тæхуды, йæ фыды зæххыл,
Йæ уарзон æмгарты рæггыл
Кæмæн хъуысы дардмæ йæ зарæг!
Тæхуды, йæ гутонимæ,
Хæрзифтонг бæхуæрдонимæ
Йæ бинонтæн чи у сæ дарæг!

Тæхуды, йæ дзыллæйы раз
Чи раæны барджын ныхас,
Кæй фарсынц, кæй равзарынц зондæй!
Тæхуды, йæ уарзондзинад,
Йæ хорз ном, йæ фыдæлты кад,
Чи уадзы уæлæуыл зæрондæй!

В. И. Абаев отмечает, что само название стихотворения, переведенное на русский язык как «Желание», представляет собой возглас восхищения 'о, если бы!' (латинское *utinam!*). Хотя исследователь и допускает возможность заимствования из какого-либо соседнего языка, в рамках народного осмысления вполне допустимо разделение на *тæх*-уды. В первой части имеем *тæх* 'стремительно', 'сильно', а во второй — *-уды*, глагольную форму третьего лица единственного числа от *удын* 'стараться', 'стремиться'. Весьма примечательна форма, образованная с помощью суффикса *-аг*, обозначающего в данном случае 'предназначенный для чего-либо', 'достойный чего-либо', форма *тæхудиаг*. Это слово, с которого открывается рассматриваемое стихотворение Коста Хетагурова, напрямую отсылает к евангельской Нагорной проповеди и переводится как 'блаженны'. В. И. Абаев ссылается на соответствующее место из осетинского перевода Евангелия от Матфея (5: 8): «тæхудиаг сты зæрдæйæ сыгъдæг чи у, умæн æмæ удон Хуыцауы фендзысты» («блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят») (Абаев 1979, с. 285—286). Как видим, Коста Хетагуров, не имевший в распоряжении историко-

богословской лексики, находит выход из затруднительного положения, обращаясь к внутренним ресурсам языка, которые очень хорошо чувствует.

Заслуживает упоминания и то, что в переводе этого стихотворения на русский язык С. Олендером эта связь с Нагорной проповедью сохранена (Хетагуров 1953, с. 17):

Блажен, кто с младенческих лет
Был солнцем весенним согрет
И ласкою матери милой!
Блажен, кто весну своих дней
Припомнит под ропот дождей
Осенней порою унылой!

Блажен, кто в родимом краю
Веселую песню свою
С друзьями подчас запекает...
Блажен, кто за плугом своим
По нивам проходит родным,
Кто хлеб для семьи добывает!

Блажен, кто душой и умом
Прославлен в народе своем,
Чье ценится веское мнение!
Блажен, кто отчизну любил,
Кто славой отцов дорожил,
Чье имя не знает забвенья!

Однако в переводе Б. Иринина стихотворение получает сугубо светское звучание, поскольку начальные фразы каждого из шести трехстиший у него звучат как «Завидую тем, кто...» (Хетагуров 1999, с. 35).

Завидую тем, кто согрет
На утре безоблачных лет
Теплом материнских объятий.
Завидую тем, кто потом
Дни детства помянет добром,
Кто весел на грустном закате.

Завидую тем, кто в своей
Отчизне средь верных друзей!
Чей пир — это песня с игрою!
Завидую тем, кто с арбой,
Кто с плугом своей бороздой
Проходит рабочей порою.

Завидую тем, кто народ
Мятежною речью зажжет,
Чьего ожидают совета.
Завидую тем, кто любовь,
Честь имени, славу отцов
Хранит и в преклонные лета!

Подобный отказ от интертекстуальных связей с евангельской проповедью весьма показателен. Именно этот перевод не так давно выбрали в качестве эталонного и составители Полного собрания сочинений поэта, хотя им наверняка были известны и другие. Здесь находит выражение многолетний подход, в рамках которого Коста Хетагуров трактовался как «атеист» (подробнее см. об этом: (Хугаев 2014, с. 5–6)). Представляется, что приведенные аргументы склонят чашу весов в пользу признания мировоззрения поэта глубоко религиозным.

6. Заключение

Итак, обращение к проблеме зависимости семантики слова от контекста позволяет выявить инновационные смыслопорождающие структуры, обеспечивающие становление литературной традиции. Изучение заголовка программного стихотворения Коста Хетагурова «Ныступан» убеждает в том, что на раннем этапе сложения осетинской литературной нормы решающую роль играет недостаточная разграниченность светского и духовного стилей, их принципиальная взаимная пронитаемость. В этом случае смысл, который вкладывал автор в его заголовок, должен был отражать его связь с христианским покаянным канонам и потому мог означать собственно «канон» как «(божественное) установление, правило». Подобная семантика слова была, по сути, уже присуща ему этимологически, и поэту лишь оставалось сделать ее актуальной в пространстве своего сборника стихов.

В плане синтагматики на становление подобных структур влияет отсутствие границы между словами в потоке речи, когда, как в рассмотренном примере, заголовок стихотворения оказывается настолько тесно связан со словом, открывающим его, — *ныббар*, что можно говорить об их смысловой и синтаксической диффузии. Основой подобной диффузии является высокая эмоциональность слова как своего рода компенсация неизбежного лаконизма используемых выразительных средств при отсутствии свойственной устной речи просодики. Существительное, подвергаясь значительной десемантизации, принимает на себя часть повелительных интонаций, свойственных глаголу в императиве, выступая в роли лексического интенсификатора. Вместе с тем в плане парадигматики речь должна идти и о недостаточной разграниченности частей речи, в частности, существительного и междометия, что дает свободу в выражении тех новых смыслов, которые языку еще только предстоит освоить.

Становление подобных инновационных структур сопровождается «расподоблением» слова как в семантическом, так и в грамматическом (включающем и морфологию, и синтаксис) плане. Это явление по праву становится важнейшим условием освоения языком нового для него идейно-тематического поля на этапе сложения литературной традиции как средства модернизации осетинского социума на рубеже позапрошлого и прошлого веков.

Список источников и литературы

- Абаев, В.И., 1973. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 2. Л. [Abaev, V.I., 1973. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vol. 2. Leningrad (in Russ.)].
- Абаев, В.И., 1979. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 3. Л. [Abaev, V.I., 1979. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vol. 3. Leningrad (in Russ.)].
- Абаев, В.И., 1990. *Избранные труды: Религия, фольклор, литература*. Владикавказ. [Abaev, V.I., 1990. *Izbrannnye trudy: Religiya, fol'klor, literatura* [Selected works: Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz (in Russ.)].
- Айларова, С.А., 2014. Проблема «Интеллигенция и народ» в творчестве Коста Хетагурова. *Коста и мировой историко-культурный процесс: сб. матер. Междунар. конф., посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова*. Владикавказ, с. 21 – 46. [Aylarova, S.A., 2014. The problem of “Intelligentsia and the people” in the work of Kosta Khetagurov. In: *Kosta i mirovoi istoriko-kul'turnyi protsess: sb. mater. Mezhdunar. konf., posvyashchennoi 155-letiyu so dnya rozhdeniya K. L. Khetagurova* [Costa and the world historical and cultural process: collection of materials. International Conference dedicated to the 155th anniversary of K.L. Khetagurov's birth]. Vladikavkaz, pp. 21 – 46 (in Russ.)].
- Бахтин, М.М., 1986. *Эстетика словесного творчества*. М. [Bakhtin, M.M., 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow (in Russ.)].
- Бахтин, М.М., 2002. Проблемы поэтики Достоевского. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 6. М. [Bakhtin, M.M., 2002. Problems of Dostoevsky's poetics. In: *Sobranie sochinenii v semi tomakh* [Collected works in seven volumes]. Vol. 6. Moscow (in Russ.)].
- Васильков, Я.В., 2021. Индоевропейские мотивы в «Махабхарате»: «испитие славы» и «кубок героя». *Этнография*, 4 (14), с. 55 – 74. [Vassilkov, Ya., 2021. Indo-European Motifs in the Mahābhārata: “Basking in glory” and the “Hero's goblet”. *Etnografiya*, 4 (14), pp. 55 – 74 (in Russ.)] EDN: NMFAGR, [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-55-74](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-55-74).
- Гагкаев, К.Е., 1956. *О языке и стиле Коста Хетагурова*. Орджоникидзе. [Gagkaev, K.E., 1956. *O yazyke i stile Kosta Khetagurova* [On the language and style of Kosta Khetagurov]. Ordzhonikidze (in Russ.)].
- Джусойты, Н.Г., 1980. *История осетинской литературы*. Кн. 1: XIX век. Тбилиси. [Jusoity, N.G., 1980. *Istoriya osetinskoi literatury* [The history of Ossetian literature]. Book 1: The XIX century. Tbilisi (in Russ.)].
- Злобина, Н.Ф., 2011. Дискуссия Ф.И. Буслаева и А.Н. Пыпина по вопросам истории русской словесности. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 4 (16), с. 122 – 129. [Zlobina, N.F., 2011. Scientific discussion between Buslaev and Pypin on the history of Russian literature. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 4 (16), pp. 122 – 129 (in Russ.)] EDN: OJKMHR.
- Золян, Т.С., Тульчинский, Г.Л., 2024. *Динамика смысла: глубинная семиотика и стереометрическая семантика*. М. [Zolyan, S.T. and Tulchinskiy, G.L., 2024. *Dinamika smysla: glubinnaya semiotika i stereometricheskaya semantika* [Dynamics of meaning: deep semiotics and stereometric semantics]. Moscow (in Russ.)].
- Ковалевский, М.М., 1886. *Современный обычай и древний закон*. Т. 1. М. [Kovalevsky, M.M., 1886. *Sovremennyyi obychai i drevnii zakon* [Modern custom and ancient law]. Vol. 1. Moscow (in Russ.)].

Лотман, Ю. М., 1998. Структура художественного текста. *Об искусстве*. СПб., с. 269–281. [Lotman, Yu. M., 1998. The structure of the literary text. In: *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, pp. 269–281 (in Russ.)].

Мальцев, С. И., 2014. *Душою с Коста*. Владикавказ. [Maltsev, S. I., 2014. *Dushoyu s Kosta* [My soul is with Costa]. Vladikavkaz (in Russ.)].

Уарзиати, В. С., 2017. *Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика*. Т. 1. Владикавказ. [Ouarziati, V. S., 2017. *Izbrannnye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* [Selected works: Ethnology. Cultural studies. Semiotics]. Vol. 1. Vladikavkaz (in Russ.)].

Хамицаева, Т. А., ред., 1992. *Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия осетин*. Владикавказ. [Khamitsayeva, T. A., ed., 1992. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin: Trudovaya i obryadovaya poeziya osetin* [Monuments of Ossetian folk art: Labor and ritual poetry of Ossetians]. Vladikavkaz (in Russ.)].

Хетагуров, К., 1953. *Избранное*. Дзауджикау. [Khetagurov, K., 1953. *Izbrannnoe* [Favourites]. Dzaujika (in Russ.)].

Хетагуров, К. Л., 1999. *Полное собрание сочинений в 5 томах*. Т. 1. Ш. Ф. Джикаев, ред. Владикавказ. [Khetagurov, K. L., 1999. *Polnoe sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Complete works in 5 volumes]. Vol. 1. Sh. F. Dzhikaev, ed. Vladikavkaz (in Russ.)].

Хетагуров, К. Л., 2001. *Полное собрание сочинений в 5 томах*. Т. 5. Ш. Ф. Джикаев, ред. Владикавказ. [Khetagurov, K. L., 2001. *Polnoe sobranie sochinenii v 5 tomakh* [Complete works in 5 volumes]. Vol. 5. Sh. F. Dzhikaev, ed. Vladikavkaz (in Russ.)].

Хетагуров, К. Л., 2018. *Завещание: только одно стихотворение*. И. Бибоева, ред. Владикавказ. [Khetagurov, K. L., 2018. *Zaveshchanie: tol'ko jedno stikhotvorenie* [Testament: only one poem]. I. Biboeva, ed. Vladikavkaz (in Russ.)].

Хугаев, И. С., 2014. «Евангелие» от Коста: идейно-эстетическая концепция поэмы К. Л. Хетагурова «Се человек». *Вестник Владикавказского научного центра*, 14 (1), с. 2–7. [Khugaev, I. S., 2014. "The Gospel" from Kosta: Ideological and aesthetic conception of K. L. Khetagurov's poem "Ecce Homo". *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center], 14 (1), pp. 2–7 (in Russ.)] EDN: RYBQDN.

Хугаев, И. С., 2019. «Осетинская лира» Коста Хетагурова: основоположение осетинской национальной литературы. *Вестник Владикавказского научного центра*, 19 (2), с. 36–42. [Khugaev, I. S., 2019. "The Ossetian Lyre" of Kosta Khetagurov: The foundation of the Ossetian literature. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center], 19 (2), pp. 36–42 (in Russ.)] EDN: WIJCGM, <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.2.31375>.

Cheung, J., 2002. *Studies in the historical development of the Ossetic vocalism*. (Beiträge zur Iranistik. Gegründet von Georges Redard, herausgegeben von Nicholas Sims-Wiliams. Bd. 21). Wiesbaden.

Об авторе

Тамерлан Казбекович Салбиев, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего отделом «Центра скифо-аланских исследований» Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-8526-1984

E-mail: galabu054@gmail.com

Для цитирования:

Салбиев Т. К. Инновационные смыслопорождающие структуры на раннем этапе сложения литературной традиции: опыт Коста Хетагурова // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 3. С. 154–168. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-10.

INNOVATIVE MEANING-GENERATING STRUCTURES IN THE EARLY FORMATION OF A LITERARY TRADITION: THE CASE OF KOSTA KHETAGUROV

T. K. Salbiev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
1 Williams St., Prigorodny District, North Ossetia-Alania, 363110, Russia

Submitted on 14.10.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-10

The article examines the conditions and mechanisms leading at an early stage of the formation of a literary tradition to the dependence of the innovative meaning of the word and its context. The translation of the title of Kosta Khetagurov's program verse "Nystwan", which opens his poetic collection "Iron fændyr" ("Ossetian Lyre"), shows the fundamental differences between the semantics of this word in the ethnographic era and its modern interpretation. Further on, following Buslaev's fundamental idea that at its initial stage literature assumes not only secular, but also spiritual social obligations, it is possible to show that the title of the poem turns out to be a semantic intensifier, necessary to strengthen the imperative mood of the verb phrase "Nybbar myn!" ("Forgive (me)!"), which opens the verse. The word in the title is not only desemantized, but also loses its nominal features, at the same time acquiring verbal properties. As a result, the boundary, which should run between the title and the beginning of the poem, is blurred. At the same time, "Nystwan" acquires a special emotional strength, which puts it on a par with the verbal and interjective titles so characteristic of Kosta Khetagurov's poetry. This 'blurring' is due to the need to bring to a common denominator both Christian theological concepts, in this case, of a sacrifice, and also the ideology of the Ossetian spiritual tradition, which reveals itself in prayer and ritual tradition in general. It is also concluded that, in terms of semantics, Kosta Khetagurov, proceeds from the etymological meanings of the word 'nystwan', interpreting it as an Ossetian analogue of the historical and theological term 'church tradition', as a kind of 'divine institution, rule'. The transition from folklore to literature itself is considered within the framework of the distinction proposed by Yu. M. Lotman between the aesthetics of sameness and the aesthetics of contradiction.

Keywords: semantic structure, context, sameness of the word, desemantization, Ossetians, literature, Khetagurov Kosta, Christianity, repentance

The author

Dr. Tamerlan K. Salbiev, Associate Professor, Acting Head of the Department, the Centre for Scythian-Alanian Studies, Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Vladikavkaz, North Ossetia-Alania.

ORCID ID: 0000-0002-8526-1984

E-mail: galabu054@gmail.com

To cite this article:

Salbiev, T.K., 2025, Innovative meaning-generating structures in the early formation of a literary tradition: the case of Kosta Khetagurov, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 154 – 168. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-10.

